

РЕНЕ СТЕНБОК
René Stenbock

АНФИЛАДА

РОМАН ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Книга I
ИЗ ВЕДЬМИНА КОЛОДЦА

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ

Издательство «Профи»
Санкт-Петербург
2011

УДК 82-311.2
ББК 84 (2 Рос-Рус)
С79 (S82)

Оформление художника К. Смирновой

С79 **Стенбок Р.**

Анфилада. Роман для взрослых. Книга I. Из Ведьмина колодца – СПб.: Издательство «Профи», 2011. – 376 с.

Анфилада (франц. *Enfilade*, от *enfiler* – нанизывать на нитку, – ряд помещающих друг к другу помещений, дверные проемы которых расположены на одной оси, что создает сквозную перспективу.)

– Душа моя! Где ты? Отзовись!

...Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей... – откуда-то из давней глубины детства всплыли слова старинной песни...

Поиск внезапно исчезнувшей возлюбленной завели Теодора в многомерную анфиладу неожиданных событий, неведомых фактов, всплывших из забвения воспоминаний, каждое из которых имеет значение. Какое? Чья злая воля вторглась в судьбу и расстроила казавшееся уже реальным счастье?

Найдет он свою любовь или нет? Вернет ли ее к жизни?

Основное действие романа происходит в современной Эстонии (2004 год), однако в ткань повествования оказываются органично вплетенными события из прошлого.

Без лишнего пафоса, естественно, легко и красиво, по-русски ладно написанная книга являет изящно свитое из судеб, переживаний и чувств деликатное кружево, которое согревает душу и оставляет сильное впечатление.

Легкими прикосновениями формируется восприятие: читатель слышит музыку, узнает образ и видит цвет, чувствует запах...

Роман для взрослых. Для тех, кто пожил, кто живет, кто хочет жить.

К манере изложения уместно применить определение музыкального стиля: SOUL – душа.

SARABANDE

(вместо посвящения)

*Отстраненный от неба, отлученный от рая,
Я, живой, неживым среди таких же брожу,
Буратинной душой о гробы спотыкаясь,
Где бесчувствия тлен и безверия жуть.*

*Но дурманящий дым за чадящим кадилом
Незаврадаших слов и заигранных тем
Не заманит в постель нелюбови постылой.
Расколю скорлупу! И к тебе! Насовсем...*

R. S.

...Хотелось бы отметить исключительную важность для автора дружеского участия и тактичной критики, моральной поддержки и реальной помощи в подготовке и издании книги.

*Пользуясь случаем, выражаю в этой связи безмерную благодарность **Игорю Мальшеву, Дмитрию Мальшеву** и **Ксении Смирновой**.*

Дай Бог им здоровья и удачи в их деяниях!..

Рене Стенбок

По невидимым ручейкам и подземным рекам неведомо откуда стекается влага, чтобы хлынуть вдруг из недр через горлышко колодца. Когда? Никто не знает.

Молва идет, что это живущие на дне колодца ведьмы, пресътившись рутинной, скандалить принимаются и буйствовать.

Оттого колодец в Тухала, близ Таллинна, зовется Ведьминьым.

А может, и не ведьмы... Рядом с колодцем стоит камень, на котором высечено, что в этом месте энергия Земли соединяется с энергией Космоса. Далай-лама определил.

В нашей жизни тоже неожиданно-негаданно обыденность обращивается бурей. И ой, как хочется объяснить, что это ведьмы все... или из космоса натянуло...

ПЯТНИЦА

– Где ты? Почему не отвечаешь? – внутри все рвалось и кричало. – Душа моя, отзовись! Не могу я ждать назначенного часа. И не хочу! – Решительно и резко Теодор открыл дверцу машины и сел за руль. Включил двигатель. И выключил.

Жуткая тревога, словно тонкой, но прочной лентой-стрейч, спеленала и тело, и мысли. Знобит... – этого только не хватало! Стоп! Так нельзя! Успокоиться! Расслабиться. Собраться...

Еще сутки назад он не знал ее. То есть как не знал? Знал всю жизнь. Или так кажется? Нет, знал! Хотя и не часто, она приходила во сне, и было ему с ней сладко и хорошо. Проснувшись, хотелось как можно дольше удержать ощущения прикосновений и ласк. Помнил ее тело, губы и голос, и единственный в мире запах. Только вот лицо... не четко...

На автобус еле успел. Слава богу, метро работало нормально. Но остальной транспорт! Город практически стоял. Над Питером повисла влажная вонючая серость, которая никак не рассасывалась из-за безветренной погоды. Пришедшее после холодного мая тепло и морозящий дождичек дополнили эффект. Люди были мокрыми, липкими и как-то нехорошо возбужденными. Казалось, что им чего-то недодают, кто-то пытается обидеть или занять их место. Водители бодались в пробках, прохожие и пассажиры материли водителей и друг друга. В общем, все чего-то или кого-то потихоньку ненавидели. Пожалуй, только продавцы, прилепив заученные улыбки, настойчиво и не всегда по-русски вятно предлагали озверелым аборигенам и растерянными гостям Великого Города чебуреки и другие чудные кушанья.

Прорвавшись кое-как через дурно пахнущий вокзальной едой и кислым пивом строй палаток и кишашую людьми и машинами площадь Балтийского вокзала, Тео последним заскочил в автобус. Свободным было только одно, его место. Рядом, у окна, сидела симпатичная женщина. Машинально поздоровавшись, он плюхнулся в кресло, закрыл глаза...

...Она сразу пришла. Стало уютно, как-то пронзительно, до боли хорошо. Пожалуй, даже лучше, чем всегда. Сон был долгим. Иногда казалось, а может, и нет, что он просыпается. Открывал глаза... Но, чувствуя знакомое тело, которое обнимал, и ощущая этот ангельский запах, закрывал глаза: так не хотелось просыпаться... Бывают такие сны: многослойные, как матрешки – одна оболочка открывается, а ты оказываешься внутри другой, следующей... И еще, и еще...

Наконец-то, рассмотрел лицо! И уже никогда его не забудет!..

– Уважаемые пассажиры! Пожалуйста, со всеми вещами проходите на пост пограничного и таможенного контроля!

Надо же, какой интересный сон – как наяву: автобус, пассажиры, за окном крепость Ивангорода, пограничница в проходе считает по головам... И любимая, улыбаясь, заглядывает в глаза...

Так! Или это все же не сон? Она потерялась о его щеку:

– Нужно идти. Встаем?

– Не хочу!

– Я тоже, но положено...

– Тогда пойдем, – Тед окончательно понял, что проснулся.

Они последними вышли из автобуса, взяли свои сумки, встали в конец очереди, прильнув друг к другу, насколько это было прилично на пограничном КПП.

Впрочем, никто на них не обращал внимания, только средних лет таможенница то ли с пониманием, то ли подумав о чем-то своем, слегка улыбнулась. Да и они почему-то не удивлялись, не смущались, как будто так все и должно быть. Ну любят люди друг друга, всю жизнь любят... А встретились наяву только сейчас. Но никто об этом не знает, и они никому об этом не скажут...

Паспортный контроль пришлось-таки пройти поодиночке, но сразу за турникетом они опять соединились.

– Ты...

– Катрин, Катя. А ты?

– Когда родился, назвали Теодором. Когда переехали в Россию, звали Федором. Теперь опять по эстонскому паспорту Теодор, Тео, Тед, как кому нравится.

– Федя, значит? – Катя лукаво улыбнулась.

– Можно и Федя, меня мама так зовет. А что ты делала в Питере?

– Искала тебя.

– ?

– А ты? Что ты там делал?

– Ездил по делам. Хотя, по большому счету, и дел-то никаких серьезных не было. Просто вдруг посчитал, что мне туда надо. Родителей заодно навестил. А серьезно, чем ты в Питере занималась?

– У отца маленькая гостиница, и надо было переговорить с питерскими партнерами – турфирмой. Папа в возрасте и инвалид, и ему уже трудно самому ездить на большие расстояния, вот и помогаю. Если честно, я рада каждой возможности выбраться в Питер. Мне в детстве цыганка нагадала, что найду своего суженого в городе, где много львов и лошадей, а по улицам бегают собаки. А мама сразу сказала, что это Питер. Конечно, я старалась уговорить себя, что все это несерьезно, но каждый раз, когда ехала, чего-то ждала.

– Дождалась?

Катя крепко, как-то очень по-детски прижалась к нему, шмыгнула носом:

– Угу...

Больше они уже не отрывались друг от друга. Не заманили их в дьюти-фри низкие цены на парфюм и спиртное. В Нарве выходить из автобуса не понадобилось. Пришлось

отвлечься лишь затем, чтоб строгая и корректная, как старорежимная классная дама, эстонская пограничница сличила анфас с фотографией в паспорте. На то, что мужчина и женщина сидят, голубками прижавшись друг к другу, она не обратила внимания. Или сделала вид, что не обратила – это не ее дело. Хотя, конечно, приятно видеть не молодых уже людей, так нежно увлеченных друг другом. Об этом можно будет рассказать дома и подругам. А сейчас: «Счастливого пути!»

Доехали быстро, не заметив времени и не устав. Всю дорогу они сидели рядышком, тихо наслаждаясь близостью, изредка прерывая сладкое молчание:

- Ой, солнышко!
- Смотри, какое море синее...
- Аисты...

Все, ранее тысячу раз виденное, вызывало умиление. Мир по-новому открывался, давая каждый раз повод теснее прижаться друг к другу. Хотя, кажется, куда уж теснее?

- Тебя кто-то ждет?
- Компаньон должен встретить.
- Не делай вид, что не понял. Я имею в виду, дома.
- К сожалению... Да нет, скорее к радости – никто. А тебя?

- Отец.
- И только?
- И только. А что, это плохо?
- Да нет, скорее хорошо!

Привыкшие к тому, что автобус может приехать на полчаса, а то и минут на сорок раньше, встречающие собрались уже на перроне.

Солнце светило вовсю, было тихо и тепло, и многие успели переодеться в летнее. Жители Таллинна умудряются невероятно быстро переодеваться.

Деревья без листвы, но уже лето! Или почти лето.

– Интересно, ты узнаешь Петера?

– А зачем он тебя встречает?

– Моя машина у него. Это рядом, в городе. Заберу тачку и отвезу потом тебя. Надеюсь, ты не против? Не торопишься?

– Да нет. Тем более, ты уже решил. Это он? Похожий на пирата?

Невысокий, худощавый, бородатый, с незагорелыми волосатыми ногами рыжеватый мужичок в бейсболке, черной майке с надписью «Guinness», шортах и кроссовках на босу ногу приветственно махал, улыбаясь сквозь кудрявую бороду. Черные от загара кисти его рук и оттопыренные уши, хочешь не хочешь притягивали внимание...

– Ага, его трудно с кем-то спутать. А ты молодец, – Тео с интересом посмотрел на нее.

– Ну, ты Федя! Я же давным-давно тебя знаю!

Петер мгновенно сориентировался, не то чтобы поняв, но почувствовав, что значит для Тео женщина, которую тот бережно снял с подножки автобуса.

– Добрый день, госпожа! Привет, Тед!

– Кати, – Катя поздоровалась с ним за руку – Он очень хорошо говорил о вас, – и посмотрела лукаво на Федю.

– Извините, Тед меня не предупредил, что он с королевой – вот я и без галстука...

– Ах, что вы! Сегодня так жарко, и галстук явно был бы лишним...

Петер серьезно осмотрел себя:

– Пожалуй, да. Пойдем, давайте ваши сумки. Возражений не принимаю!

По пути на парковку Тео удивленно, как говорят, «почесал репу», обратив внимание на то, как свободно и непринужденно Катрин по-эстонски говорила с Петером о превратностях погоды – одной из любимых и неисчерпаемых тем эстоноземельцев.

– Пожалуйста! – Петер уважительно открыл перед Кати заднюю дверь огромного «Лендкрузера», не нового, но любовно надрабанного.

«Как шарик от кровати» – почему-то это слышанное в детстве и, казалось бы, несовместимое с могучей машиной сравнение пришло ей в голову.

– Сейчас поставлю сумки в багажник. А вы садитесь, – Петер двигался без суеты, но на удивление быстро.

Просторный салон с затемненными стеклами был чист и уютен, прохладная кожа сидений нежно обняла. Катя прижалась к любимому.

Запах дорогого одеколона и чего-то очень знакомого, из детства...

Маленький Петер с достоинством сел за руль «дредноута». Он был капитаном! Или командиром танка? И от него пахло сеном и лошадьми.

Дошло! Господи, до чего хорошо сочетаются запахи дорогого одеколона, сена и лошадей!

– Никогда не думала, что когда-нибудь сюда попаду, прямо внутрь! Ипподром! Много раз проезжала мимо, один раз как-то, гуляя, зашла на трибуну. Был будний день, и никого из зрителей не было. Я долго сидела и смотрела на то, как бегут лошади. Завораживает... А это? Конюшня?..

Машина завернула за угол строения из силикатного кирпича и стала в тупичке.

– Прибыли! – Петер выскочил из машины, открыл заднюю дверцу и подал Катрин руку. – Прошу!

– А это кто? – Катя показала на огромного бурого пса, который рвался к ним, выказывая всем своим видом радость. Толстая цепь не позволяла подойти ближе, поэтому он стоял, виляя толстым, как палка, хвостом, рискуя отвертеть себе попу. Он не лаял, а только восторженно, хриплым басом будто говорил, что-то вроде: «Ахх, ахх, ахх...»

– Это Пойсик, – Петер не успел предупредить об осторожности, Катя шагнула к барбосу и погладила его:

– Бедненький, тебя на такую цепь посадили! Иди ко мне!

Пойсик тут же прижался к ней боком и подставил спину: чеши!

– Какой он ласковый! Как же он охраняет? Или он здесь просто, чтобы пугать своим видом?

– Кати! – Петер перевел дух, – Я не знаю, что с ним сегодня, но у меня чуть инфаркт не случился! Он признает здесь только нескольких человек. Упаси Бог, чтобы к нему кто-то чужой подошел! Вы посмотрите на этот чемодан с зубами!

То, что обнажала довольная улыбка Пойсика, могло кого угодно привести в трепет.

– А что за порода? Я таких никогда не видела.

– Метис, плод запретной любви среднеазиата и ротвейлерши. Всех щенков утопили, а этого оставили. Вот, глядите, что выросло!

– На место! – это уже Пойсику.

Тот неохотно отошел от Кати и сел рядом с будкой. Вывалив язык и открыв пасть, часто и шумно задышал. Все равно он был доволен. Тео подошел, потрепал его по холке:

– Вот тебе подарок из Питера, – он подкинул довольно большой чебурек, и пес, не вставая, повернул голову – «чемодан» открылся и захлопнулся. Чебурек пропал. Пойстик рыгнул и опять заулыбался.

– Впечатляет, – Катя отряхнула руки, – а можно лошадок посмотреть? Мне всегда хотелось зайти в конюшню, но я боялась, что хозяева могут быть недовольны. А кто здесь хозяин?

– Петер, – Тео положил ему руку на плечо – А я у него часто гощу.

– Петер, можно к вам зайти?

– Конечно! Добро пожаловать! Двери открыты. Для вас в особенности!

– Ну, молодежь, вы смотрите тут, а я поеду к своей старухе. Надо еще в магазин заскочить. Здесь все в порядке, все по плану, – Петер обратился к Теду – Сегодня Оксана дежурит, она к подругам в соседнюю конюшню усвистала, скоро придет, заведет лошадей с левады и покормит. Твоя машина во дворе.

– Я видел.

– Ты расскажи барышне, если чего, – Петер подмигнул, – А я поехал. Завтра созвонимся. Чао!

– Ну, давай!

«Чао!» и «Ну, давай!» прочно вошли в эстонский язык. Молодежь, наверное, и не задумывается, откуда эти выражения.

– Ну вот, мы опять вдвоем, – Тео обнял Катю.

– Пройдем, посмотрим... Здесь так интересно!

Они пошли потихоньку по проходу, останавливаясь у боксов, и Тед рассказывал об их обитателях, метко и с юмором отмечая особенности каждого.

– Прямо, как о людях говоришь...

– Так и характеры у них точно, как у людей: кто злой, кто добрый, кто ленивый, кто трудяга. Есть хитрецы, а есть простодушные... Они только скрывать себя за словами не умеют, как мы. Мотивы своего поведения, если можно так сказать, объяснить не могут. Ну да и слава Богу. Хотя и обмануть порой могут или попытаться...

– А как же понять?...

– Смотри, наблюдай, чувствуй... В общем, если хочешь от них чего-нибудь добиться, люби, но будь начеку! Как и среди людей...

– А со мной ты тоже «начеку»?

– Нет, я весь твой, – Тео заглянул в глаза и с силой прижал ее.

– Ой! Так уж и мой! Чуть не раздавил, как котенка! Слушай, а чего это она? – Катя показала на темно-гнедую ладную лошадку, которая с безумным взглядом терлась крупом о стенку, пытаясь задрать его как можно выше. Иногда резко разворачивалась, оскалившись, взвизгивала, и – опять хвостом к стенке...

Боксы в конюшне были разделены бетонными перегородками высотой чуть более полутора метров, по-

верх которых металлические решетки.

За решеткой не находил покоя крупный жеребец. Он привставал на дыбы, всхрапывал, крутился на месте, опять вставал на задние ноги. В общем, и стенка, и решетка ему явно не нравились, и он пытался разрушить препятствие. Впрочем, безуспешно.

– Никогда не представляла, что лошади могут так визжать.

– А, это Танька. По-настоящему ее зовут Tante d'éclair – француженка, легкомысленная...

– ?

– В охоте она. Ну, Алонсо, естественно, со всей своей страстью, так сказать, и рвется... «на баррикады». Вон как глазищи сверкают! Совсем она с ума сведет бедного жеребца...

– Ничего не поняла. Что за охота? Какие баррикады?

– Ну... Как бы тебе сказать? По природному капризу у кобыл, то есть лошадей женского пола, бывают такие периоды, когда они могут зачать. Это и называется «охота» – они в это время буйно сексуальными становятся. Ну и всячески намекают противоположному полу особям... А с Алонсо у них вообще нежная привязанность, как только привезли. Вот он сейчас весь в плену плотской страсти...

Катя повернулась к Тео лицом. Волна, перехватывающая дыхание, обволокла их...

– Поцелуй меня! – прошептала она и положила руки ему на плечи. Он не нагнулся, а приподнял в объятиях такое знакомое тело и так же, как было иногда во сне, нашел любимые губы.

Поцелуй был долгим... она забилась в его объятиях, и с трудом оторвавшись от него, тихо прошептала:

– Я все... У меня никогда так не было... наверное, как ты говоришь, я «в охоте»... Поехали к тебе, я хочу тебя!..

– Что мы делаем... сумасшедшие! – Катя, отдышавшись, широко раскрыла глаза, пытаясь вернуть себя в действительность и осознать, где она и что с ней...

– А что такого? – Тео, как и всякий мужчина в подобной ситуации, на всякий случай показал недоумение и чмокнул ее в лобик...

– Как что? – она делано рассердилась и кулачком стукнула его в грудь, впрочем, не больно, а скорее ласково и одобчительно...

Нельзя сказать, чтобы опыт Катрин был очень уж богат. Она побывала замужем, но недолго. Потом были какие-то мужчины, как она впоследствии называла их «разовые», но и то не много.

Подруги твердили, что без *этого* нельзя. Родители хотели, чтобы она, как и все, вышла замуж, хотя бы и неофициально.

Но в ней срабатывало какое-то чувство, брезгливости что ли, отгалкивавшее от любовников и почти состоявшихся сожителей, которое в конце концов привело к пониманию, осознанию и даже почти уверенности, что мужики ей не нужны. Ну, по крайней мере, как самцы. Поначалу она немного комплексовала, но потом привыкла и даже находила в такой позиции определенное удобство.

За всю жизнь у нее лишь несколько раз случался оргазм. Да и то она толком не прочувствовала это состояние. А теперь... Удивительное дело – каждый раз, когда Тео подходил к кульминации, тело Кати взрывалось восторгом и от-

вечало бурными овациями на финальные аккорды. Внутри у нее все дрожало и требовало: «Еще, еще!..»

Ни он, ни она не мнили себя половыми гигантами, и никогда раньше не могли даже предположить в себе такой прыти... Уж сколько раз они принимались... И каждый раз у них все получалось! Она себе такого и не представляла раньше. Да и он, по правде говоря, тоже...

– Ты что, не соображаешь? – Катя постучала Тео согнутым пальчиком по лбу; получилось до смешного громко. – Мне же под сорок. И каково будет рожать?

– Ну, ты старушка прямо... но шустряя!

– А сам-то, тоже мне, юноша – она немного отстранилась, строго и критически оглядела его, зажмурилась и крепко, как иногда дети, прижалась к нему:

– Люблю, люблю...

– И я...

– А ты здесь неплохо устроился! – они, наконец, оторвались друг от друга и теперь лежали, держась за руки. – И холодильник, и плита, и мебель стильная...

– Ты забыла душ и кондиционер...

– Да, кондиционер. Вот уж не подумала бы, что на чердаке конюшни могут быть такие апартаменты...

– Не на чердаке, а в мансарде. И не апартаменты, а кабинет...

– Да ладно, кабинет! А кровать-то какая! Небось, барышни...

– Какие барышни! – он притянул Катю к себе.

Тео не лукавил. Конечно, свободный мужчина, он не гнушался женского общества – все-таки природа требует своего. Но никогда не использовал это помещение для интимных свиданий. Как, впрочем, и никакое другое, где жил или работал.

Она обняла его, прижалась щекой к совсем не волосатой груди:

– Мой! Ладно, говори все, что хочешь. Я всему поверю.

– Нет, серьезно! Я предпочитаю жить за городом. А работаю в Таллинне. В городе офис, и есть где переночевать, но там душно. Вот и договорился с Петером, оборудовал себе келью в конюшне. Остаюсь здесь, когда лень ехать домой. Тут хорошо: рядом лес, море, воздух... и никого! А насчет барышень...

– А зачем же такая кровать? – она небожно ущипнула его.

– Ну, так...

– Все, хватит врать! – Катя не дала ему досказать. – Вот для чего! – И, привстав на локтях и посмотрев победительницей, «запечатала» его губы горящим поцелуем...

– Надо идти. А то я никогда от тебя не оторвусь, – она энергично встала, потянулась. – Где, говоришь, тут душ?

Тео смотрел, не отрываясь и даже не мигая, как она одевается. Он любовался ею. Только сейчас он понял по-настоящему, что означает слово «желанная»! Она же почему-то не стеснялась его, хотя никогда не была бесстыдной. Просто сейчас все это было естественно. И, чувствуя, что нравится любимому, Катя тихо радовалась за себя.

Ее еще могут любить! Ее любят! Она любит!!! Последнее радовало больше!

В конюшне все спали. Каждый на свой манер: кто стоя, кто лежа. Кто-то тихо сопел, кто-то храпел, как мужик с перепоя. Ночь – время отдыха. Даже Танька с Алонсо угомонились и спали, опершись крупами о стенку, разделявшую их. Пойсик бесшумной тенью встретил влюбленную парочку у лестницы и шел за ними по проходу. Он все понял с первого взгляда еще там, на улице, когда они приехали, и теперь одобрительно сам себе улыбался и помахивал слегка хвостом.

– Тео, а почему «Алонсо»? Так вроде зовут кого-то из автогонщиков...

– А в честь него жеребца и прозвали. По документам, его зовут Ремингтон Гран-При седьмой. А тут как-то после воскресного просмотра одного из этапов Формулы-1, Родион – местное молодое дарование, как называет его Петер, – заметил, что жеребец похож на звезду автоспорта. Действительно, что-то есть. Глаза в особенности. Не глаза, а глазищи! Ну, и характер боевой. Азартный. Вот и прилипла кличка.

Вообще-то, не положено держать кобылу рядом с жеребцом. Петер несколько раз пытался развести эту парочку по разным углам. Танька-то ничего, а вот Алонсо каждый раз так бесился, что боялись, как бы не переломался. Вот Петер и решил, что так будет меньше вреда. Да и слава богу, охота – явление временное. А вот что будет, когда Таньку хозяин заберет...

– Кошмар какой! Я бы не пережила... – Катя не закончила и прижалась к Тео.

Страх ледяной бестелесной многоножкой прополз через все ее тело. Рядом с любимым опять стало тепло и хорошо.

– А можно что-то для них сделать? – она наивно посмотрела ему в глаза. – Оставить как-то их вместе?

– Поговорим с Петером ...Слушай! А куда ты торопишься?

– Меня отец ждет. Я сказала ему, что немного задержусь, а уже утро. Вон солнце встало...

– Да оно и не заходило...

– Все равно, утро. А я так поздно, то есть, рано никогда не приходила. Он, наверное, волнуется...

– Откуда ты знаешь, где я живу?

– Ты же говорила, что в Нымме *...

– Адреса-то я не называла...

– Да-а, – Тео почесал в затылке.

Он старался ехать как можно медленней. Почему-то не задумываясь о том, куда едет. Днем, в самый пик, здесь езды двадцать минут от силы. А ночью...

– Телепатия, наверное. А ты что, действительно здесь живешь?

– Ну да. Следующая улочка направо, второй дом. Вспомнила, где я видела твою машину! Несколько раз она стояла вот на этом углу. У тебя что, здесь любовница живет? Я ее уничтожу, а тебя кастрирую!

– Да нет. Я просто люблю это место. И здесь рядом есть домик, который я хотел бы купить. Иногда приезжаю сюда погулять. Теперь понял, почему меня сюда тянуло...

---

* Раньше пригородный поселок, теперь район Таллинна.

Машина остановилась, и он обнял Катю.

– Не надо! А то не смогу уйти. Сегодня все расскажу отцу и вечером познакомлю вас. Ты не против? Или я фантазировалась на твой счет?

– Да ты что! Просто не могу представить, что придется так долго ждать, чтоб тебя увидеть! Я не могу без тебя!

Она не дала ему договорить, чмокнула в щеку и выскользнула из машины.

– Чао! Жду после обеда, часа в три!

Дверь закрылась. Катя вошла в калитку, оглянулась, помахала ладошкой и пропала за кустами, густящимися вдоль дорожки.

Выезжая задом из переулка, Тео чуть не столкнулся с резво взявшим с места серым «Чероки».

– Надо же, какой-то придурак тоже не спит!

Заснул Тео как убитый. Давно уже не спал так крепко и глубоко. Часов около десяти проснулся.

Небо было безоблачным, сияло солнце. Легкий ветерок должен бы ласкать, но... А может, это и не ветерок, а что-то другое, непонятное навевало тоску и тревогу. С чего бы?

В конюшне кипела повседневная жизнь. Здесь просыпаются рано, в шесть надо кормить, а не позже полвосьмого начинаются тренировки. Уже и Петер приехал. Но Теда не будили, он к этой суете не имел отношения.

Чтобы развеяться и взбодриться, Тео решил побегать на Штромке* по лесу, по берегу моря. Природа ликовала: наконец-то лето! Птицы заливались, аж звон в ушах...

---

* Штромка – Штромми ранд – часть береговой полосы полуострова Копли с прилегающим к ней лесом.

И вчера, то бишь сегодня, так хорошо было! Но какой-то холодок пробегал по позвоночнику, оставляя некомфортное ощущение шершавой занозы. Тьфу! Что же это такое! Ни полчаса бега, ни душ не принесли освобождения от чувства беспокойства, которое паутинкой, случайно задетой и сброшенной уже с себя, какими-то невидимыми остатками тревожит и заставляет то тут, то там ощутить неудобство.

Тед не был кофеманом и поутру всегда пил чай. Иногда с молоком. Хотя в детстве терпеть не мог. Чая с молоком, то есть. На завтрак он предпочитал что-нибудь простое и горячее, кашу, например. Которую, кстати, готовил сам. Но сегодня, вопреки естественной, казалось бы, после такой ночи потребности организма, аппетита не было. С трудом одолев бутерброд с брынзой и листом свежего салата, Тео побрился, оделся и решил, хоть и было раньше условленного времени, позвонить Кате. Она не отвечала. Помаявшись с полминуты, решил ехать. К ней.

«Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей...» – откуда-то из давней глубины детства кстати или некстати всплыли в памяти слова старинной песни, пока он спускался с мансарды.

Очередная смена только что выехала на работу, поэтому в конюшне было пусто. Наездники на тренировке: «на попе сижу, в попу гляжу».

Конюшиха с полной тачкой отправилась к навозохранилищу. Петер куда-то побежал по делам. Ворота настезь, светло, свежо... Но, отчего-то, нерадостно...

Пойсик, которого от греха подальше днем сажали на цепь, поочередно открыл глаза и приподнял голову. У него была своя будка, но сейчас он блаженствовал в тени большой липы. Рассмотрев Теда, встал, подошел, помахая

хвостом, и посмотрел в глаза сочувственно, как показалось. Это еще больше подстегнуло.

...Еду, еду, еду к ней... Машинка, хоть и белая, на солнышке нагрелась, и внутри было более чем тепло.

Включив, затем выключив мотор, Тео сообразил, что для работы кондиционера таки надо бы двигатель включить. Что и сделал. И пока он собирал себя «в кучку», горячий воздух из салона был вытеснен, стало даже прохладно, уже почти комфортно. Можно ехать. Немного успокоившись, Тео тронулся с места.

Движение, как и всегда по пятницам, было суматошным. Weekend! Хотя до конца рабочего дня еще далеко.

Работая в разных странах, Тео заметил, что интенсивность движения, как, впрочем, и деловой активности, растет к концу недели. А на пятницу остаются самые важные и неотложные, по мнению начальства, дела. Но подчиненные понимают, что всех дел сразу не переделаешь, а жизнь в пятницу не закончится. Поэтому имитация бурной деятельности вперемежку с активной подготовкой к выходным вносит сумятицу не только в мозги граждан, но и в дорожное движение...

И вся турбированная мощь его «Импрезы» сейчас не поможет. Другое дело в Москве. Тем более в Питере! Там и по встречной полосе и по тротуару могут. И еще ругают на чем свет стоит всех остальных. Те тоже в долгу не остаются. И так все...

Ехать-то всего минут пятнадцать-двадцать, но когда тебя подгоняет тревожное нетерпение, каждая заминка кажется чуть ли не трагедией. Наконец свернул с бульвара. И почему его называют бульваром? Может, когда-то здесь

и росли большие деревья, и народ гулял. А теперь деревья только за заборами. И машин по две полосы в каждую сторону. Шоссе и есть шоссе!

Но уже в ста метрах – ни шума, ни суеты. Пронизанный солнечными лучиками сосновый лес, аккуратные домики, в основном еще времен «Первой» республики. Птички, белки... даже знак дорожный поставили «Осторожно, белки»! Такого больше нигде не видел...

Вот и поворот в переулок, вот и дом. Тео припарковался тесно к забору, постаравшись оставить проезд в узком переулке. Пока маневрировал, заметил что-то блеснувшее в траве недалеко от калитки. Выйдя из машины, пошел было к дому, но, вспомнив блеск, вернулся на пару шагов и наклонился к траве. Ага, вот!

Мог предположить все что угодно! Но...

Он знал эту вещь! Более того, он сам ее сделал! Тридцать? Нет, сорок лет назад! Удивление и воспоминания, как шампанское из резко и неумело открытой бутылки, пеной заполнили сознание, замутив его на минуту, ударив в нос до слез и отодвинув тревогу...

Вера

...Встреча Нового, 1964-го года. Студия какого-то начинающего художника в башне старого города. Тео подарил тогда эту вещь ладненькой, хрупкой и премилой девчужке. Выпив и натанцевавшись, они пошли на чердак подышать свежим воздухом. Он сел на подвернувшуюся скамейку, посадил ее себе на колени... Стали целоваться... На ней было красивое темно-синее платье в белый горошек, перешитое

из маминого. Материал, крепдешин кажется, был чертовски приятен на ощупь. И чулки... Тогда все женщины носили чулки... И нежное тело перед трусиками... Она с неожиданной хрипотцой сказала: «Делай все, что хочешь! Я твоя!» Опыта у него никакого, но что делать, он сообразил. Когда трусики были уже сняты, она прошептала: «Я – девочка...» – пытаюсь, наверное, подчеркнуть, как она к нему относится, и что готова отдать ему все...

Что в нем тогда произошло, он так и не понял. Ну не смог, вернее, не захотел воспользоваться моментом. Глупо, конечно, как потом ему иногда казалось... Что остановило?

Вера заплакала: «Ты меня не хочешь?..» Тео, тогда еще Федя, успокоил ее, сказав, что не хочет просто так, а хочет по-людски. Он не очень-то представлял, как это, но объяснения не потребовалось. Довод показался убедительным. Они спустились к народу и всю ночь тихо протанцевали...

...Последние летние школьные каникулы Федя проводил с родителями в Эстонии, точнее в Таллинне. Они жили у дальних родственников на самой окраине, в Пяэскула – Ласточкиной деревне. Погода тем летом была непостоянной, что, впрочем, не редкость для этих краев. Съездив пару раз на море, Федор стал искать каких-нибудь еще развлечений. Дело не в том, что на море ему не нравилось. Да и дорога, занимавшая не менее часа, тоже не пугала его, привыкшего к питерским масштабам. Главное в том, что, выезжая из дома солнечным ярким утром, он приезжал к урюмо насупившемуся морю, от которого несло холодом и сыростью. А уехав, приезжал в самое пекло. Очень хотелось купаться... Как-то он посетовал на это хозяйину, и тот посоветовал сходить на бассейны в Нымме, построенные

еще до войны хозяином тех мест и романтиком бароном Николаем фон Гленном*. Федя последовал совету и открыл для себя чудный уголок.

Под горой, на которой стояли развалины замка**, был комплекс, как сейчас бы сказали, для развлечений и спорта. Два пятидесятиметровых и оборудованный трамплинами и вышкой бассейн для прыжков соединялись в единую систему с проточной водой, которая поступала из ключей со склона горы. Спускаясь к бассейнам по мелким, выкрашенным темной краской, широким деревянным желобам, вода успевала нагреться. Решение остроумное и эффективное...

Между бассейнами стояло изящное, в курортном стиле здание, в котором работало кафе. В раздевалках с отдельными кабинками, аренда которых стоила копейки, можно было переодеться и оставить спокойно все вещи. Главное, не потерять ключик! Загорай, купайся, играй в волейбол...

Там было тихо и хорошо даже тогда, когда деревья на горе трепетали кронами под порывами ветра, а облака устраивали по небу гонки. Шум ветра еле пробивался через неназойливую и веселую музыку из репродуктора. Рай! Или почти...

Федор быстро познакомился с местными ребятами, и они весело проводили время. Иногда по будням подрабатывали на какой-нибудь стройке, а вечерами или в выходные гуляли на заработанные деньги. В Эстонии и тогда было принято зарабатывать самим, даже детям.

Товарищи, Федины одногодки, уже окончили школу – у них еще не успели ввести одиннадцатилетку. Ребята посту-

---

* Николай фон Гленн – основатель поселка Нымме.

** В настоящее время замок восстановлен.

пали в техникумы и институты, устраивались на работу. И от этого казались серьезнее, если и не взрослее. Но, отдыхая, дурачились, как и положено семнадцатилетним.

Ближе к вечеру на пляж приходила очень симпатичная, даже красивая девушка. Спортивная, исключительно изящная точеная фигурка притягивала взгляд всех без исключения особ мужского пола.

Она никогда не брала кабинку и переодевалась здесь же, на пляже. То есть не переодевалась, а просто скидывала легкое платьишко. Причем делала это неторопливо, но без кокетства. Все-таки в простоте и естественности есть что-то прекрасное и притягательное. И завораживающее. А еще девушка здорово прыгала в воду. Когда она подходила, шумная толкотня стихала, и ее пропускали к трамплину. Раз, два, три, прыжок... На какое-то мгновение она зависала в высшей точке, потом распрямлялась и без брызг входила в воду. Казалось, что и подход, и прыжок, и полет, и вход в воду – все это происходило в нереально растягивающемся времени. Все спокойно, неторопливо, четко... Когда девушка выныривала, некоторые, в основном пожилые мужчины, ей аплодировали. Не обращая внимания, она спокойно выходила из воды, вытиралась и, если погода позволяла, загорала...

Ребята, с которыми познакомился Федя, иногда подходили к ней, здоровались, перекидывались парой фраз. Он поинтересовался, кто это. Оказалось, их одноклассница Вера. Отличница и вообще классная девчонка. Но ловить там нечего. К ней многие подкатывали, но ни фига из этого не получалось. Если хочется, то могут с ней познакомить. Феде хотелось!

Издали она казалась намного выше, чем на самом деле, – еле дотягивала до Федино уша. И это было прекрасно!

Вблизи Федя рассмотрел большие, красивые и выразительные зеленые глаза. И это тоже было прекрасно! Улыбка мягкая, разговор неспешный. Ни тени кокетства. И искренний интерес к собеседнику. Вера умела слушать, поощряя вниманием и задавая уместные вопросы. Это притягивает. И как этого порой не хватает.

После того как познакомились, не было практически дня, чтобы они не встречались. Она приходила в бассейн после работы, и весь вечер они проводили вместе, а потом он провожал ее домой. На выходных Федя приглашал Веру в кафе, там же, у бассейна. По субботам и воскресеньям играл ансамбль, на веранде танцевали ча-ча-ча и рок-н-ролл, и медленные...

Но что интересно! Красивая, умная и тактичная Вера не то чтобы не вызывала желания, но не давала повода, что ли, для сближения. Интимного, то есть. Даже танцевали они... целомудренно. Федора притягивало к ней, но он не смел приблизиться. Вплотную...

Как часто мужчины выдумывают препятствия там, где их нет! Но понял это Федя гораздо позже...

Как-то Вера сказала, что будет у заболевшей подруги, и предложила ему позвонить туда, чтобы договориться о встрече.

На звонок ответил томный, бархатный голос, какой у мужчин помимо их воли вызывает похоть. Аж в пот бросило. Голос принадлежал хворавшей подруге, которая предложила Феде зайти и передала трубку Вере. Та четко объяснила, как лучше добраться, и уже через полчаса он жал на кнопку звонка у калитки. Подруга жила в отдельном доме.

Встретила его Вера, похвалившая за то, что купил букетик маргариток для хозяйки.

В просторной комнате окна были зашторены, и свет теплого солнечного дня почти не проникал внутрь. В большом кресле, закутавшись с ногами в толстый плед, сидела хозяйка.

– Наташа, это Федор, – Вера представила приятеля.

Он подошел к подруге, подал букетик,

– Здравствуйте. Федор.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, – она ледяной рукой взяла цветы и еще глубже закуталась в плед.

Пили кофе. Разговор не клеился, и Вера с Федором, пожелав хозяйке скорейшего выздоровления, по-быстрому откланялись.

Федя даже не рассмотрел Наталью как следует. Был какой-то туманный образ, который, однако, волновал, поднимая ком к горлу, отчего перехватывало дыхание, а речь становилась бессвязной. Наваждение, словом...

Вера поняла по-своему и решила, что визит ему не понравился. И пыталась даже извиниться за подругу. Они немного погуляли, и Федя, придумав что-то, попрощался. Сказавшись занятым, даже не проводил ее. Надо было побывать одному!

К вечеру меланхолия потихоньку отпустила, оставив только где-то глубоко-глубоко ощущение сладко-горькой истомы. А потом и оно засыпалось песком бытовых мелочей.

Умница Вера ничего не поняла и не обиделась на него. Они так же встречались, так же проводили время. Им так же было хорошо вместе.

Сколько же лет ему надо было прожить, сколько пережить, чтобы, наконец, понять, как ему было легко тогда и хорошо с ней, и почему!

И как потом порой не хватало этой простоты, легкости, внимания... и неназойливости!

Лето закончилось. Вечер перед отъездом выдался сырым. Не противно мокрым с холодным ветром и секущим дождем, а тихим, теплым и как-то нераздражающе дождливым. Они гуляли под зонтиком по пустынным вечерним улочкам. Печальная влага окутывала их, проливаясь иногда неспешным дождиком, который тоненькими пальчиками негромко тукал по зонтику и заставлял Веру теснее прижаться к нему. И Федору это не было неприятно. Ему нравилось ощущение ее тела. И Верино тепло ласкало...

В который уж раз подошли к ее дому, пора было прощаться. Они стояли под зонтиком, а дождик прижимал их друг к другу. Вера приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы. Федя с энтузиазмом ответил... От ее мокрых волос пахло солнышком... Она не умела целоваться!

Воспоминания о лете быстро стираются ластиком будней. Вера присылала, нечасто, впрочем, письма, на которые Федя лениво отвечал. Она пригласила его на встречу Нового года, празднование которой предполагается у какого-то художника в студии, ожидается интересная компания, придут ребята, которых он знает, Наталья...

Опять ком подкатил к горлу. Томный низкий голос, вернее, ощущение от него без слов и звука заполнило эфир. Невнятный образ занял все пространство в сознании. И на

этот раз уже не отпускал. Не хотелось ни видеть, ни слышать ничего и никого.

Федор ответил, что обязательно придет. Он хотел! Его тянуло туда! Ему надо было ее видеть! Ее! Наталью, то есть.

...Пару лет назад на Куршской косе он нашел большой, размером с детский кулачок, кусок янтаря. Не идеальный, конечно, с трещинками и щелями. Но можно попробовать что-то сделать... И вот уже остался небольшой кусочек, похожий на каплю. Одна беда: на обратной стороне дефект: будто две звездочки были когда-то вдавлены в янтарь. Одна побольше, другая поменьше. И бороздка, соединяющая их. Федя долго ломал голову, но потом придумал заполнить эти звездочки. Хотелось серебром. Тогда оно ничего не стоило. Работа оказалась сложной и кропотливой. Залить туда металл невозможно – материал расплавился бы. Пришлось... Вообще, сделали. Получился кулон, в котором просматривались две серебряные звездочки, соединенные тонким мостиком. Янтарь на колечке подвешен внутри серебряного же кольца. Цепочка, естественно, тоже из серебра. Подарок готов. Для Натальи. О Вере Федя даже не вспомнил.

Номер телефона, который услышал почти полгода назад всего раз и никогда не записывал, всплыл в памяти. Федор позвонил.

Опять тот же голос бросил в бездонную пропасть... Федор собрался, назвал себя, сказал, что придет на Новый год... Наташа как-то не сразу, но сказала, что хорошо, что все будут рады видеть его...

Договорились: как только доберется до Таллинна, он сразу позвонит.

Вот зачем нужна была производственная практика! Перед праздниками выплатили зарплату за четыре месяца, которые они отработали на заводе. Это была по тем меркам огромная сумма – почти полтораста рублей!

И Федор решил лететь самолетом. Билет стоил пятнадцать рублей, но у него были деньги! Он не мог терпеть. Быстрее, быстрее!

Федя никогда раньше не летал. Полет вызвал восторг. Почти физически он ощущал, как прорывается через пространство к предмету вожделения! Чуть более получаса – и вот, Таллинн. Вот телефон-автомат.

Наташа прохладно поздоровалась, сказала, что хорошо, что он прилетел... чтобы он позвонил вечером – Вера обещала придти к ней, и они договорятся...

Все внутри упало. Оборвался какой-то шнурок, удерживавший ком восторженных чувств в груди. Стало нечем дышать, но... Юный организм нуждается в кислороде. Федя вдохнул морозный воздух солнечного зимнего дня и... потрусил на автобус, собиравшийся уже отправляться.

Бабушка жила почти в центре, и добрался он до нее уже через полчаса. Хорошо, когда есть бабушка! Пообедав, Федя пошел гулять по предновогоднему городу. Несколько раз принимался звонить Наталье, но... Вечером, когда позвонил, как условились, Наталья тут же передала трубку Вере, которая просто и искренне порадовалась его приезду. Договорились, где и когда встретятся завтра и что надо захватить с собой: праздновали вскладчину, и каждый нес, что может. Вера не хотела его обременять, но он был при деньгах и решил тоже поучаствовать.

Еще оставалась надежда, что увидит вечером Наташу. Но...

С Верой встретились у Вирусских* ворот. Федя пришел пораньше, чтобы она не мерзла на морозе. Тоненькая фигурка в тоненьком стареньком пальтишке вызвала трогательное умиление. Она подбежала к нему и поцеловала. Прижалась к груди, и снег с ее ресниц остался у него на щеке.

Вера взяла его под руку, и они быстро пошли вдоль городской стены.

Наталья не пришла.

Кулон в тот вечер Федя подарил Вере. Она была в восторге. Все дружно признали, что это лучший подарок. Вера была счастлива! И ему было тепло и хорошо.

Через пару дней он засобирился домой, хотя оставалась еще неделя каникул. Вера пришла на вокзал. Тихо падал снег. Они стояли на перроне. Он гладил ее волосы и чувствовал на щеке ее подрагивавшие влажные ресницы.

Они не говорили, они не целовались. Они прощались. Поезд отправлялся довольно поздно, но Вера ждала, пока состав не тронулся. И шла, пока могла, за набирающим скорость вагоном. И тихо плакала...

Больше они не встречались. Никогда.

Нымме. Фред

И вот теперь подаренный когда-то Вере кулон лежал у Тео на ладони.

---

* Вирусские ворота – одни из ворот в крепостной стене старого города.

Воспоминания! Их тяжело и долго описывать. Их даже порой тяжело идентифицировать. Это целый мир пространства и времени, пронсящийся в сознании за какой-то миг, оставляя лишь ощущения.

События и обстоятельства, переживания и фантазии по капельке собираются в огромную емкость. И... в момент эта емкость опрокидывается на голову. Ухх!

Тео глубоко вдохнул, положил кулон в карман и нажал кнопку.

– Кто там? – спросил женский голос, но не Катин.

– Это Теодор, я к Катрин...

– Проходите пожалуйста!

Щелкнул замок, и калитка приотворилась.

Тео прошел в дом. Скорее домик. Ухоженный, чистенький, небольшой и очень уютный. В холле встретил хозяин. Он сидел в кресле-каталке и протягивал приветственно руку.

– Здравствуйте, я – Альфред, отец Катрин. Будем знакомы! Можно просто Фред.

– Здравствуйте. Теодор, Тео...

– Кати рассказывала о вас, проходите...

Тео пожал протянутую руку. Однако! Сила! Мужчина – если бы не кресло – богатырь метра под два ростом с широчеными плечами и большими сильными руками. Так и хотелось сказать: ручищами!

Правильные черты мужественного, словно вырубленного из камня лица. Седые, но густые и вьющиеся волосы до плеч. Красавец!

Смутное воспоминание мелькнуло и исчезло...

Они переместились в гостиную, которая оригинально и со вкусом была объединена с кухней. Деревенская печь с плитой неконфликтно уживались с добротной мебелью. От всего веяло теплом.

– Хорошо у вас!

– Да, хозяйка постаралась.

Тео увидел на стене Катин портрет.

– А можно видеть Катрин?

– Пока нет. Около десяти к ней кто-то приехал, по моему, со старой работы. Она вышла на минутку. И вот... Видать, какие-то проблемы. К ней иногда обращаются бывшие клиенты. А сейчас время балансовых отчетов, так что... Думаю, скоро придет. Тем более что она ждала вас!

– А почему она не отвечает по мобильному?

– Да, я тоже звонил... может, батарея разрядилась?

Присаживайся, подождем вместе...

Эстонцы сразу переходят на «ты», особенно, если отношения не официальные.

– Маргит! Приготовь, пожалуйста, кофе и подходи, попьем вместе! Это соседка, она помогает нам по дому, когда Кате некогда.

– Сейчас, только белье из машины выну.

Пока Маргит готовила кофе, мужчины беседовали о погоде, о бизнесе. Альфреда интересовало, чем Тео занимается... Слушал, одобрительно кивал головой...

– Вот и кофе! – в гостиную вошла крупная, энергичная, лет за семьдесят, женщина.

– Маргит, – подошла и крепко пожала Теду руку. Потом присела на диван.

– Кофе, пирожки, печенье... Сахар, сливки по вкусу. Каждый ухаживает за собой сам. – И налила всем кофе.

Через пять минут соседка сказала, что у нее дома дел полно, извинилась и откланялась. Они остались вдвоем. Разговор как-то незаметно, сам собой, перешел на Катрин.

И какая она умница, и какая молодец, и что бы он без нее делал! Отец восхищался дочерью. А Тео, чего скрывать, было приятно это слышать. Хотя чувство тревоги не отпустило.

Фред достал семейный альбом. Это так старомодно и так мило!

На первом листе были фотографии младенца Кати, молодого красавца Альфреда и... Веры.

– Это дочка, это ее мамочка – моя женушка...

Тео знал от Кати, что ее мама умерла. Но он никак не мог предположить, что это Вера! Вот так так! Сколько ни мечись по жизни, ни бегай по белу свету, все равно вернешься в свой, определенный тебе круг! Вот что значит «на круги своя»! Вот откуда тепло, которое просто заполняет этот дом. Мягко, неназойливо...

О, Господи!..

– Тебе нехорошо? – Фред участливо потрепал по плечу.

– Нет, спасибо! Где же Кати?

– Да, – Фред посмотрел на часы – Уже без четверти час...

– Слушай, – Тео достал из кармана кулон. – Это случайно не ваше?

– Да! Откуда у тебя?

– Нашел сейчас в траве перед калиткой.

– Давным-давно кто-то подарил Вере на Новый год. Но она никогда не носила его. Говорила, что не ее цвет. А по-моему, так он очень подошел бы зеленым глазам и каштановым волосам. Но женщины... сам знаешь, вобьют себе что-нибудь в голову... Я не спорил. И вообще, она редко его доставала. Только если что-то в шкатулочке понадобится, случайно на него... достанет, посмотрит и обратно положит...

Накануне, перед смертью, – Фред смахнул слезу, – она отдала этот кулон Кате. Сказала, что ей он принес счастье, хотя сначала сама этого не понимала. И пусть теперь он принесет счастье Кате. Катрин тоже никогда его не надевала. А сегодня достала из своей шкатулки. Знаешь, у всех женщин есть такие шкатулочки, ящички, коробочки, куда они складывают свои безделушки... или сокровища... Во-от... Достала и надела. А как он ей хорошо! Но, видно, цепочка ветхая уже, порвалась. Вот и соскользнул... Хорошо, что ты нашел. А то она расстроилась бы. Давай, я ей отдам... нет! – Фред отдернул руку. – Отдашь сам!

Кулон раскалился в руке. Тео убрал его в карман. А ладонь еще долго горела...

– А где старая Катина контора? Адрес, телефон?
– Катрин скорей всего в офисе у какого-нибудь клиента...

– Ты знаешь адреса?

– Нет.

– А в конторе знают?

– Конечно, должны...

– Что за контора, где она?

Тео знал эту фирму и даже знаком был с хозяином. Ехать недалеко, в Тонди. Характерно порыкивая,

Субарик за несколько минут донес до места. Несмотря на пятницу.

Тед снизу позвонил секретарю, и секьюрити вежливо пропустил его:

– На четвертый этаж!

– Спасибо, знаю.

Не стал дожидаться по-местному задумчивого и медлительного лифта, а прыжками, через две ступеньки взлетел наверх. Даже не запыхался.

Хозяина не было, но секретарь, выслушав просьбу и почувствовав взволнованность, тотчас договорилась с руководителями отдела, где работала Катрин, и отдела контрактов.

Не простой это, в ее понимании, был проситель. Партнер все-таки. Память у секретарш цепкая. А Тийна (так ее звали) несколько раз видела, как довольный хозяин в компании с этим господином пил дорожный коньяк. Даже кофе им готовила. С кем попало такой коньяк хозяин пить не будет...

Тео шел по коридору, а со стены, то есть с фотографии на него смотрела Катя! Сколько раз проходил мимо этой галереи лучших работников! И надо же! Не обращал на Катю внимания...

Он обзванивал фирмы. Каждые полчаса звонил Фреду. Ее нигде не было. Часам к четырем пообщался со всеми, с кем работала Катрин. Точнее, с теми, которые еще были на работе. Пятница... Пятница, блин!

Секретарь правильно проинструктировала, и те, кто помогал, не выказывали нетерпения или, не дай Бог, раздражения...

Тео поблагодарил их, пожелал хороших выходных. Зашел и к Тийне. Ей польстило внимание и искренние слова благодарности. Она видела, что он очень переживает, и даже сочувствовала ему. И немного завидовала этой технократке Катрин. И чего только мужики находят в ней?!

А тут, как назло, и Фред перестал брать трубку. В садик выкатился что ли? Хотя труба у них беспроводная. Мог бы и с собой взять. Дома и то в кармане куртки была...

Что-то нехорошее шевельнулось...

Обратно, в Нымме! Пярнуское шоссе было забито машинами, в которых усталые трудящиеся после рабочей недели пробивались из города на природу. Кто на хутор, кто на дачу, а кто и просто в лес, на море, на речку. Миновав узкое горлышко до развилки на Мяннику*, Тео свернул в первую же улочку и погнал... С резкими поворотами, с визгом тормозов, со звериным ревом мотора... Прохожих здесь почти не бывает. А обитатели... Обитатели домов провожали его машину неодобрительными взглядами...

В переулке стояло несколько машин, одна из них – полицейская. Когда подъезжал, с дурными визгами и гуделками от ворот рванула «скорая помощь». Увернувшись от полицейского, Тео бросил машину к забору и резко стал. Выскочил и, не обращая внимания на оградительную ленту, бросился к дому. Там-таки его остановили. Высокая очкастая женщина в мешковатых брюках и пиджаке внимательно посмотрела на него и попросила, скорее, приказала

---

* Мяннику – микрорайон Таллинна

полицейским отпустить. Представилась. Следователь Эрика Сильд. Спросила, кто такой и что здесь делает.

Тео ничего не понимал. Все это бред какой-то...

Видя его состояние, Эрика попросила посидеть немного в саду, успокоиться. Скоро она закончит и побеседует с ним.

Он не возражал. И сел на скамейку. Понемногу начал кое-что понимать. Из обрывков фраз служивых, из реплик зевак стало ясно: что-то случилось с Фредом. И не просто что-то... И «скорая» увезла именно его.

Так, спокойно! Все! Истерики кончить! Собраться!

Расслабился. Собрался...

Собрался! На скамейке сидел другой человек. Спина прямая, взгляд спокойный и осмысленный.

Понятно, что сейчас нет никакого резона обращаться к кому-либо. Они делают свою работу. Придет время, и о нем вспомнят. Он посмотрел на часы...

Не прошло и получаса, как подошел полицейский и попросил зайти в дом.

У стола, на котором еще стояли тарелки с пирожками и печенюшками, сидела следователь. Около плиты огромная лужа крови. Рядом валялось кресло Фреда...

– Садитесь, – госпожа полицейский указала на стул рядом со столом. Голос без каких-либо интонаций. Не тихий и не громкий. Звук... Нет, информационное сообщение без эмоций... СМС без смайлика.

Тео сидел на этом стуле пару часов назад, когда они с Фредом рассматривали фотографии в альбоме. Что же случилось?

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

РЕНЕ СТЕНБОК

René Stenbock

АНФИЛАДА

РОМАН ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Книга I

ИЗ ВЕДЬМИНА КОЛОДЦА

Дизайн обложки *К. Смирнова*
Оригинал-макет *П. Домбровский*
Корректор *И. Бойнова*
Редактор *И. Знаешев*

Подписано в печать 10.02.11

Гарнитура Georgia. Формат 70x108^{1/16}. Объем 30,5 усл. печ. л.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов

ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие “Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2.